

Чжу Юй, привыкший жить на лезвии ножа, в момент ранения успел уклониться от смертельного удара. Однако он не знал о своей беременности, поэтому в бою не проявлял осторожности, а после ранения использовал обычное лекарство от резаных ран, которое всегда применяла тайная стража. Состояние ребёнка было действительно тяжёлым. Все, услышав это, тяжело вздохнули. Гу Мо хотел задать пару вопросов, но Ань Шаохуа, надавив ему на руку, незаметно сменил тему. Инь Юнь сказал, что если вдруг, если вдруг случится самое худшее, нужно во что бы то ни стало сохранить жизнь Чжу Юю. Второй принц кивнул и ничего не сказал. Ань Шаохуа же шёпотом дал Инь Юню множество наставлений касательно беременности и родов у народа цяньжэнь.

Инь Юнь слушал и кивал, запоминая. Вскоре он подозвал слуг и отдал распоряжения.

Рука Ань Шаохуа всё ещё лежала на предплечье Гу Мо, тепло ладони сквозь ткань проникало к коже. Гу Мо слушал, как он шёпотом даёт Инь Юню мелкие поручения, и вдруг подумал:

«Эта сцена мне уже снилась».

Второй тост второго принца был за Гу Мо и Ань Шаохуа:

— Когда Сяозэр Мо предлагал идею, мне показалось, что это знакомо. Вспомнил внимательно — ведь это то же самое, что Вэйцин говорил вчера вечером! — Инь Цин, говоря это, подложил Гу Фэну еды. — Тебе неудобно тянуться, я сам тебе положу.

Гу Фэн улыбнулся, и от этой улыбки стало светлее. Гу Мо глядел на улыбку брата и почему-то вспомнил слово «блеск».

Инь Юнь не знал о предложении Ань Шаохуа прошлой ночью, поэтому спросил, в чём дело. Инь Цин объяснил. Инь Юнь, услышав, захлопал в ладоши и рассмеялся:

— Ой, говорят, муж и жена — одной души, раньше я не замечал.

Как говорится, случайность. План Ань Шаохуа заключался в том, чтобы второй принц не высывался, не строил догадок и дал императору самому всё расследовать. Мера Гу Мо была сутью той же музыки.

Инь Юнь закончил, посмотрел на этих двоих и вдруг рассмеялся.

Гу Фэн спросил, чему он смеётся. Инь Юнь, улыбаясь, протянул руки:

— Они пришли утром, держась за руки. — Он встряхнул рукавами и с серьёзным видом сложил руки ладонь в ладонь, а потом приподнял бровь. — Может, и у них скоро будет хорошая новость?

— Сяозэр Мо? — Гу Фэн посмотрел, что Гу Мо почти не притрагивается к еде, вспомнил только что обсуждаемую тему и мысли его пошли совсем в другую сторону. — Сяозэр Мо.

Гу Мо ел мало и на то были причины, но не в токсикозе дело. На столе почти сплошные мясные блюда, и только одно можно назвать постным — тофу. Гу Мо съел три-четыре кусочка, да и то стеснялся брать больше.

Сам Гу Мо не знал, что его гастрономические пристрастия — уникальны для столицы Юньань. Круглый год он любил свежие овощи. На самом деле он ел не только деликатесы, дикорастущие травы и грубую пищу тоже шли, но вот вот мясо и рыбу не любил. Однако в

богатых домах Юньани кто ел еду простолюдинов? Поэтому никто и не думал в эту сторону, считая его просто избалованным аристократом.

К тому же в Юньани времена года были чётко разделены: весна, лето, осень, зима следовали друг за другом по порядку. Поэтому здесь, в отличие от Южных земель, где круглый год весна и зелень, зимой и весной овощи можно было найти только в поместьях с горячими источниками, и урожай там был невелик. В основном всё шло как подношение старшим в роду. Каждый год к Новому году дворец раздавал такие дары родственным домам императора, и едва они поступали во дворец, Ань Шаохуа уже следом бежал в резиденцию второго принца и к князю Му, Thick-facedly прося свою долю.

Позже второй принц уехал на Западные земли, и перед отъездом прямо приказал управляющему: все подобные дары, после выражения благодарности, сразу отправлять в Двор Струящегося Света. У Инь Юня дела обстояли ещё хуже: стоило подаркам попасть в дом, Ань Шаохуа перехватывал их ещё до того, как их успевали убрать в ледник, отчего Чжу Юй часто прыгал от злости. Он бывал и в доме Линя, но принцесса Шансинь с мужем Линь Чжиюанем хозяйством не ведали, поэтому каждый раз доставалось немного. Даже у семьи Гао он не раз выпрашивал овощи.

Осенью прошлого года одна из побочных дочерей генерала Лю, родственника второго принца, как-то вышла на него и предложила план: она сможет сделать «теплицу», где независимо от времени года можно есть свежие овощи. В то время второй принц был уже в Западных землях, и чертежи попали к Инь Юню.

Инь Юнь любил всякие новинки, взял чертёж и начал строить.

Ань Шаохуа тоже видел чертёж. Манера рисования была необычной, и сама теплица казалась свежо. Ряды плоских построек, внутри несколько печей, крыша из прозрачной масляной бумаги и бесцветного стекла, стена, обращённая к свету — целиком из бесцветного стекла. Поистине размах. Две-три такие теплицы стояли как поместье с горячим источником. Но у Ань Шаохуа не было такого поместья, а поместья у столицей в основном принадлежали императорской родне, деньги были, а товара нет. Он справлялся так много лет, но не слышал, чтобы кто-то продавал. И нельзя же каждый год бегать по разным домам и выпрашивать овощи, свежая зелень в это года везде редкость. Подумав, он с Инь Юнем и ещё несколькими людьми скинулись, купили участок и построили теплицу. Находилась она в западном пригороде Юньани, в городе, всего в двух-трёх часах верхом от того поместья, где они остановились сейчас.

Ань Шаохуа оглянулся на Гу Мо и тоже заметил, что тот ест мало. Он вечно упрекал себя: недоглядел. Завтра надо послать людей на поместье за свежими овощами, чтобы Гу Мо было что поесть.

Еда не пришлась по вкусу, Гу Мо съел пару кусочков и отложил палочки. На вопрос Гу Фэна он не знал, что ответить, зато Ань Шаохуа смело поднял кубок в ответ:

— Спасибо на добром слове.

После еды Инь Юнь поспешил к себе в покои.

Ань Шаохуа с Гу Мо попрощались со вторым принцем и Гу Фэном и вместе неспеша пошли к себе. Поместье князя Му было фруктовым, ранней весной на абрикосах и персиках уже набухли почки, свежий снег лежал на ветвях, и на фоне нежно-зелёного и розового это выглядело очень свежо и мило. Гу Мо вдруг вспомнил, что перед отъездом из столицы в заднем

дворе Двора Струящегося Света, кажется, произошёл инцидент. Он подумал немного и решил спросить. Хотя сейчас уже поздно спросить, но лучше поздно, чем никогда.

Услышав вопрос о Чуньтао, Ань Шаохуа почему-то почувствовал нехватку воздуха. Конечно не от совести, зачем ему совесть, не от совести! Поэтому Ань Шаохуа слегка приподнял брови, скользнул взглядом по верхушкам деревьев, легонько хмыкнул и безразличным тоном произнёс:

— Ну, ребёнка не удалось сохранить, да и не велика беда, всего лишь побочная дочь.

Гу Мо замер на месте.

— Только дело в том, что удар нанесла моя невестка. Шоусинь, ты как считаешь, старшая... — Ань Шаохуа сделал пару шагов и только заметил, что Гу Мо не идёт следом. Обернулся и прямо увидел лицо Гу Мо, перекошенное от гнева.

Гу Мо был зол. Всего лишь побочная дочь? Побочная, и только? Даже если плод не считать за жизнь, потеря его — не великая беда. Но что же до Чуньтао? Гу Мо не был близок с Чуньтао, они виделись несколько раз. В памяти она осталась весёлой и шумной служанкой, которая любила поболтать, когда жила при бабушке. Улыбалась очень по-доброму. После того как пошла к Ань Шаохуа, перед другими служанками и слугами действительно вела себя высокомерно, но перед хозяевами держалась низко. Совершенно неприятная девушка не была.

Хотя, девушка ли, Чуньтао была на два-три года старше, чем тело «Гу Мо».

Гу Мо ещё помнил, как иногда встречал её во дворе, когда она выходила погулять. Чуньтао очень гордилась своим животом и бесконечно его берегла. Даже если это сделали чужие руки — конечно, возможно, за этим стоят какие-то подробности, неизвестные Гу Мо.

Но как ни крути, в глазах Гу Мо это совсем не пустяк, и уж точно не то, о чём можно говорить с таким выражением и таким тоном. Гу Мо изо всех сил говорил себе: это поместье князя Му, нельзя шуметь. Он с подавил гнев, несколько раз сжал губы, проглотил мешок слов и в итоге резко развернулся и ушёл.

Ань Шаохуа обернулся, увидел выражение лица Гу Мо и сразу же пожалел.

Гу Мо был зол, это было очевидно. Но почему?

Ань Шаохуа немного подумал и понял. Несколько лет назад император выдал замуж за герцога Аньго, старого господина Гу, и Гу Мо из ниоткуда стал побочным сыном. Сам неосторожно сказал, задел чужую боль, обидел Шоусиня — конечно, это его вина. Надо наказать.

Ань Шаохуа медленно шёл вперёд, в душе сожалея. Многословие — путь к ошибкам, благородный человек должен быть осторожен в речах, как же сегодня так опрометчиво поступил? Думая об этом, он развернулся, оседлал коня, взял с собой несколько человек, без лишнего шума и свиты помчался в сторону поместья с теплицей.

Ань Шаохуа вернулся с овощами, когда уже начало темнеть.